

Чэнь Гуйцай, прихрамывая, подошёл помочь ей подняться, но Юй Чуньхун и не думала вставать. Опомнившись, она снова уселась прямо на землю и завывала ещё громче:

— Ой-ой-ой... совсем совести у людей нет! Ни капли жалости! Да как нам теперь жить-то?!

И голос у неё был такой, что хоть уши затыкай - словно сама по себе превратилась в ходячий гонг.

Лю Гуюй стоял рядом, подперев щёку рукой, и слушал. Послушал-послушал и вдруг выхватил у Фан У медный гонг. Стоило Юй Чуньхун начать новую жалобу, как он с размаху ударял:

— Да как теперь жить-то!

— БАЦ!

— Лучше всей семьёй в реку броситься!

— БАЦ!

— Нам теперь конец!

— БАЦ!

...

Юй Чуньхун: «...»

Она вдруг осеклась, обернулась и завизжала:

— Лю Гуюй! Да ты вообще что творишь?!

Лю Гуюй тут же прекратил бить в гонг, развёл руками и распахнул свои большие невинные глаза:

— Помогаю вам с сопровождением! А то вы всё кричите и кричите - слишком однообразно выходит. Я вам ритм отбиваю, атмосферу создаю! Чего вы сердитесь?

— Да ты больной! — заорала Юй Чуньхун.

— Ну это вряд ли, — серьёзно возразил Лю Гуюй.

Увидев, что она замолчала, он присел рядом с гонгом и вдруг совершенно искренне начал её «учить»:

— Тётушка, у вас эмоции не дотягивают! Надо жалобнее! Просто орать без слёз не работает. Нужно, чтобы слёзы были настоящие! Чувства должны быть глубже! Вы сейчас даже хуже собственного сына плачете! Нет-нет, так дело не пойдёт... Хотите, я вам совет дам? В следующий раз, если будете притворяться, натрите рукава молотым перцем. Потом пока воете - потрите глаза, и слёзы польются ручьём!

— Хотя сейчас у нас перца под рукой нет. Тогда давайте так: вспомните самое ужасное в своей жизни. Подумайте... ой-ой, бедность! Денег нет, в доме пусто! Одежду сколько лет не меняли? Крыша течёт, окна сквозят! Когда мясо в последний раз ели? А, стоп, сегодня же свиные ножки варили... ладно, это не считается! В общем, вот так и надо. Давайте ещё раз попробуем! Только не сдавайтесь! Давайте-давайте, ещё дубль! Соберитесь с чувствами... приготовились... начали!

Юй Чуньхун уже и плакать не могла. Лицо у неё словно окаменело. Она украдкой подняла глаза на собравшихся вокруг деревенских - все улыбались, глядя на неё как на представление, будто и вправду ждали продолжения.

Юй Чуньхун окончательно сорвалась и заорала на Лю Гуюя:

— Да у тебя мозги больные!!!

Лю Гуюй округлил глаза:

— Эй, что за грубость.

Он недовольно цокнул языком, нахмурился, потом развёл руками перед толпой и с совершенно искренним видом вздохнул:

— Ну вот, видите? Я ведь по-хорошему советую, а она ещё и злится!

Он даже покачал головой с видом глубочайшего сожаления и пробормотал себе под нос:

— Эх... а ведь я дело говорю.

Да какое ещё «дело»?! Юй Чуньхун уже не могла продолжать притворяться. Стиснув зубы, она резко дёрнула Чэнь Гуйцая за рукав, затем обернулась к полю и увидела, что двое нанятых мужчин уже успели срезать приличный кусок риса.

Она мигом забыла про слёзы и начала толкать и колотить мужа:

— Чего стоишь столбом?! Нам сейчас весь урожай срежут! Быстро домой за серпом! Беспольный ты человек! Стоишь тут, как проклятие, и даже слова сказать не можешь! На что ты мне вообще нужен?!

Она осыпала его руганью и несколько раз ударила кулаком, так что его даже качнуло.

А Чэнь Гуйцай молчал - терпел, пока она не выдохлась, и только потом пошёл домой за серпом. В итоге вся семья Чэнь вышла в поле: и сам Чэнь Гуйцай, и Юй Чуньхун, и даже их полувзрослая дочь Эр-я.

Но один хромой, другая - женщина без мужской силы, а третья - совсем ребёнок. Даже втроём они не могли сравниться с двумя молодыми крепкими работниками. В итоге два му зерна, которые обычно убирала пять-шесть дней, под этим соревнованием «кто быстрее» были срезаны всего за два дня.

На третий день, в присутствии старосты и других деревенских, семья Цинь официально вернула себе землю и прямо на месте начала взвешивать зерно. Лю Гуюй не требовал лишнего - он пересчитал всё по той же цене, что была в городской зерновой лавке, и взял ровно столько зерна, сколько соответствовало сумме аренды.

Но Юй Чуньхун снова подняла шум. Уперев руки в бока, она закричала:

— Слишком много! Слишком много! В городе цзинь зерна стоит восемь вэнь, а ты тут лишних семь цзиней набрал!

Она всё время следила за каждым движением, будто боялась, что у неё украдут хоть одно зёрнышко. Лю Гуюй остановился, обернулся к ней и спокойно ответил:

— Ничего не лишнее. Это плата за работу Эрчжуана и Те Нью - за то, что они помогали жать рис.

Эрчжуан и Те Нью - те самые молодые мужчины, что последние два дня помогали с уборкой.

Юй Чуньхун от удивления аж рот раскрыла:

— Что?! Вы сами их наняли, с чего это я должна платить?!

Лю Гуюй развёл руками и нахмурился:

— Так они же ваше зерно жали. Конечно, платить должны вы.

Юй Чуньхун не ожидала такого поворота. Она-то думала, что сама хитрее всех, а тут, выходит, нашёлся кто-то ещё бесстыднее!

Тяжело дыша от злости, она закричала:

— Но не мы их нанимали! Это ты нанял! Мы ничего платить не будем!

Видя, что спор разгорается снова, деревенские тут же оживились - встали поудобнее и с удовольствием приготовились слушать.

Кто-то поддержал:

— А ведь семья Чэнь тоже права. Людей-то действительно не они нанимали.

Но другие тут же возразили:

— И что с того? Жали-то их поле! Неужели Лю-гэр должен теперь все зерно, которое Эрчжуан и Те Нью собрали за два дня, к себе домой тащить?

...

Лю Гуюй только усмехнулся и сказал:

— Тётушка, вы ещё не настолько старая, чтобы память подводила. Неужели уже забыли?

□

— Что именно? — настороженно спросила Юй Чуньхун.

Лю Гуюй начал загибать пальцы:

— Несколько дней назад мы с матушкой приходили к вам за арендой. Вы тогда платить не захотели. И я прямо сказал: раз денег не даёте, значит, я сам найду способ вернуть долг. А вы тогда сами ответили, что какой бы способ я ни придумал, вы всё равно его признаете.

Последние три слова он специально произнёс медленно и с нажимом. И тут же из толпы раздались голоса:

— Да-да, было такое! Я своими ушами слышал!

— Точно, точно!

— И вообще, если семья Чэнь денег дать не может, Лю-гэру и правда остаётся только самому долг забирать. Неужели теперь ещё и кредитор должен из своего кармана платить? Так не бывает!

Каждый тянул в свою сторону, но в конце концов вперёд снова вышел староста:

— Лю-гэр говорит разумно. Эти деньги должны платить вы.

По правде говоря, Чэнь Цяошэн даже не особенно вникал в спор, просто слова уже были сказаны. А вся «правота» заключалась в тех самых двух плитках коричневого сахара.

Юй Чуньхун: «...»

Она зло топнула ногой, снова яростно посмотрела на молчаливого Чэнь Гуйцая, но больше спорить не стала.

Когда Лю Гуюй стал забирать зерно, оказалось, что в одиночку ему не справиться - десятки цзиней риса были слишком тяжёлыми. В итоге помогать снова взялись Эрчжуан и Те Нью.

Юй Чуньхун тут же снова вспыхнула:

— Эй, вы двое, вернитесь! Я вам зерном заплатила, так и помогайте мне таскать! Почему ему помогаете?! Вернитесь!

Но оба мужчины сделали вид, будто ничего не слышат, и даже не обернулись. Им было всё равно - тридцать вэнь заплатил Лю Гуюй, а значит, помогать они будут тому, кому захотят. Они молча донесли мешки до дома семьи Цинь, поставили их и тут же ушли.

Цуй Ланьфан в это время убиралась на кухне, освобождая место под зерно. Услышав шум снаружи, она поспешно выбежала и как раз увидела, как двое мужчин уходят.

— Зерно уже принесли?

Лю Гуюй обернулся к ней, кивнул и крикнул:

— Матушка, помоги мне занести!

Цуй Ланьфан радостно закивала и тут же позвала в дом:

— Эрлан, Банбань, идите помогите!

В последние дни у них выдалось немного свободного времени, и Цинь Жунши как раз учил Банбань писать. Он обмакивал деревянную палочку в воду и выводил знаки прямо на столе - и бумагу с чернилами не тратил, и девочка училась.

Оба быстро выбежали наружу и вместе перетащили мешки с зерном на кухню. Пока заносили, Лю Гуюй заметил:

— У нас ведь дома нет ручной мельницы для обрушивания риса. Через пару дней надо будет сходить в деревенский храм предков и там очистить зерно.

Не в каждой семье были собственные жернова или рисовая мельница, зато в храме предков всё это имелось. Там даже стояли старые свадебные носилки - кто бы ни женился в деревне, мог взять их напрокат.

Цуй Ланьфан, конечно, согласилась, а потом с улыбкой добавила:

— Раз уж у нас теперь есть рис, сегодня сварим целый котёл белого риса!

Это было замечательно.

Раньше Лю Гуюй и не думал, что так любит обычный белый рис, но после постоянных кукурузных лепёшек и овощной похлёбки понял - вот оно, настоящее счастье.

К тому времени уже пора было готовить ужин. Лю Гуюй повязал передник и пошёл на кухню. Он достал из корзины два яйца, затем сходил в огород за зелёным перцем и длинной фасолью, а вернувшись, сказал Цуй Ланьфан, которая разводила огонь под котлом:

— Мама, всё время покупать яйца тоже не дело. Давайте весной купим цыплят - будут нестись, а потом и на мясо пригодятся.

Цуй Ланьфан и правда задумалась, а потом серьёзно сказала:

— Думаю, так и стоит сделать. К весне я уже, наверное, окрепну и смогу заниматься хозяйством. Тогда ты с эрланом будете ездить торговать в город, а дом оставите на меня.

Но Лю Гуюй лишь рассмеялся и покачал головой:

— Нет уж! Я ещё хочу заработать денег и снова отправить эрлана учиться!

В конце концов, это же его «золотое бедро» - такого человека нужно хорошенько вырастить!

Цуй Ланьфан на мгновение растерялась, а потом тоже улыбнулась:

— ...Если удастся заработать на обучение, это, конечно, было бы хорошо.

Лю Гуюй больше ничего не сказал и принялся за готовку. Длинную фасоль он решил обжарить с мясным фаршем, яйца - с зелёным перцем, а ещё сварить овощной суп. Для семьи это был уже почти роскошный ужин.

В котле растопили свиной жир, затем бросили замаринованный фарш и нарезанную фасоль, добавили ложку рубленого маринованного перца и кислой редьки. Когда пошёл аромат и выступило красноватое масло, Лю Гуюй посолил блюдо и посыпал зелёным луком.

Простое, но невероятно вкусное блюдо было готово - кислая редька и острый перец придавали ему яркий вкус: кисло, остро и ароматно одновременно.

Затем он быстро приготовил яйца с зелёным перцем и сварил суп.

— К столу! — громко позвал он.

Цинь Жунши и Банбань, занимавшиеся в главной комнате письмом, тут же пришли помогать - разложили чашки на столе. Лю Гуюй разложил по четырём чашам горячий белый рис - один запах уже казался невероятным. Когда все сели за стол, он первым положил себе в миску ложку фасоли с мясом и смешал с рисом - получилось ароматно до невозможности.

Во время еды он вдруг спросил:

— Мама, а что будем делать с нашими двумя му земли?

От этих слов Цуй Ланьфан снова нахмурилась. В доме никто не умел толком заниматься землёй, да и покойный муж никогда не был хорошим земледельцем. Когда он был жив, у семьи было несколько му, но он оставил лишь один участок под лекарственные травы, а остальные сдавал в аренду.

Теперь, услышав вопрос Лю Гуюя, она замялась и осторожно предложила:

— Может... снова сдать в аренду?

Но Лю Гуюй покачал головой и вдруг спросил:

— Мама, а сколько зерна даёт лучший заливной участок у нас в деревне с одного му?

<http://bllate.org/book/17177/1634388>